

УЗНИК

ЛЕОНИД ФРОЛОВ

Леонид Фролов

УЗНИК

«Автор»

2022

Фролов Л.

Узник / Л. Фролов — «Автор», 2022

У каждого в семье есть история. Связана эта история с Великой Отечественной войной. Кто-то воевал и стал героем, кто-то трудился в тылу на блага Родины. У автора этой повести, дедушка был угнан в концлагерь. Все четыре года он провёл в немецком плену, вблизи города Гамбург. Лагерь Нойенгамме - это трудовой лагерь, где были собраны заключенные со всей Европы. Там он знакомится с интересными людьми, которые планируют побег. Герой этой истории влюбляется в красивую немку, но развязка наступает в 1945 году. Книга написана по реальным событиям с художественным вымыслом внуком главного героя книги.

© Фролов Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Леонид Фролов

Узник

От автора

Все каникулы я проводил у бабули с дедом. Это были поистине счастливые времена. Иногда я думаю, как наши дети будут вспоминать детство, полное смартфонов и различных гаджетов? Ведь я родился и вырос в Советском Союзе, где из развлечений была сплошная улица. Постоянно сбитые колени и локти, которые бабушка нежно обдувала и максимум прикладывала подорожник – вот и всё лечение. Через час я вытирал слезы и, уже забыв о боли, бежал получать новые травмы.

А эти советские велосипеды, особенно когда ты еще мелкий и катаешься на «Десне» под рамой, или турниры по футболу, чуть ли не на картофельном поле? Так проходил целый день, а вечером плетешься без ног до кровати, но бабушка всё равно обнимет и поцелует перед сном.

Для меня настоящим другом был мой дед, который изрядно выпивал. Будучи уже на пенсии, он работал обыкновенным сторожем в ТОРГЕ. Дед заступал на дежурство, а я возил обед на велосипеде, с которого по дороге спокойно мог упасть несколько раз... вместе с обедом.

Когда подъезжал к его проходной, то уже был готов поехать в магазин, по его указанию. Он мне давал пятак или трешку, пакет, и я мчался в продуктовый магазин неподалеку. Там уже все знали, что я внук Иваныча, заворачивали бутылку пшеничной и кулек конфет для меня. Конфет было несколько сортов, но самые любимые – ириски, которые можно было жевать бесконечно долго.

По приезде домой бабушка постоянно меня пытала, покупал ли я деду водку, но я его не сдавал. Наступал вечер, и дед пьяной походкой шел домой. Самое интересное – в том, что пьяным его никто и никогда не боялся – выпивший, он становился добрым и разговорчивым.

Дед был невысокого роста, с лысиной и с очень сильными руками. Руки его до сих стоят перед глазами. Таких крепких рук, как у деда, я не встречал.

Он всегда носил потертый пиджак, надетый на рубашку в горошек, а на голове – обязательно кепка, которую дед терял по дороге, будучи нетрезв. Когда поймет, что на голове ничего нет, то возвращается искать и всегда находит...

Мы жили в частном деревянном доме, который дед построил сразу после Великой Отечественной войны. Тогда все дома были одинаковые, строили на один лад. На входе была большая летняя веранда, в которой стояли деревянный круглый стол и обычный диван. Сразу после выхода из веранды – длинный коридор. Он был настолько большой, что мы там устраивали дискотеку с друзьями. Ставили на пол кассетный магнитофон, натягивали гирлянду и танцевали до утра. Там я впервые влюбился в девочку из соседнего дома, но безумно боялся пригласить ее на медленный танец.

Я был в компании вроде заводилы – и выполнял роль диджея. Регулярно перематывал кассету на один и тот же медляк, но не решался подойти к девочке, которая мне нравилась, с предложением о танце. Однажды я набрался смелости, и это свершилось. Тогда были первые чувства, которые я испытал, и, наверно, они останутся в памяти навсегда.

У моего деда было шестеро внуков от трех дочерей, а этот большой коридор служил еще и для вечерних посиделок с выпившим стариком. Мы садились прямо на пол, окружали деда и просили его рассказать про войну. В нашей детской памяти уже тогда зарождалась мысль, что нас окружают герои, которые четыре года войны с немецкими оккупантами сражались за то, чтобы мы вот так, в теплой обстановке, окружив деда, сидели часами и слушали его рассказы.

Бабушка поворчит-поворчит на пьяного деда, а сделать ничего не может, даст ему легкий подзатыльник, да пойдет к Майке разговаривать. Майка – это наша корова и кормилица, умная корова была, всё понимала, что ей говорят. Молока давала по 20 литров в день. Доиться разрешала только моей бабушке и маме, других не подпускала, разве только когда свеклы да травы принесешь.

Так под тусклой лампочкой мы могли сидеть часами с дедом, засыпая прямо на веранде. Я всегда внимательно слушал его рассказы, ведь другого момента послушать про войну не было. Обычно он редко рассказывал про те кошмарные четыре года. Когда война началась, деду было 16 лет. Жил он с родителями, братом и сестрой на другой стороне города. В те времена города были похожи на деревни, с частными застройками и деревянными домами.

Местечко это до сих пор есть на карте России, город Дятьково Брянской области (до 1944 года – Орловская область). В 1941 году война ко всем пришла внезапно, и хоть до брянских партизанских лесов она добралась осенью, но эвакуировать всех не успели. Отца и старшего брата моего деда забрали сразу, а самого деда не взяли, сказали, «по возрасту не подходишь». Так начался самый трудный период жизни моего деда.

Глава 1

По всей стране прогремели школьные выпускные вечера. Иван Рогов окончил девятый класс и на будущий год собирался стать таким же выпускником своей небольшой, родной и любимой школы. Казалось, только вчера была мирная и счастливая жизнь, а сегодня отец Ивана, Иван Матвеевич, со старшим сыном Санькой собирались на фронт.

В углу комнаты сидела маленькая сестренка, держа в руке серенький платочек. Антонина Тимофеевна, мать Ивана, нервно бегала по небольшому уютному дому, собирая вещи, и приговаривала: «Господи, за что нам такое?» Старший Рогов, набив небольшой рюкзак вещей и накинув его на плечо, громко вскрикнул:

– Да будет тебе, Антонина, присядем на дорожку!

На мгновение образовалась какая-то мертвая тишина, как будто вымерло всё людское, – и только луч солнца пробился через небольшое окошко, осветив маленькую Варвару, которая внезапно подбежала к Саньке, протянув ему тот самый платок.

Старший Рогов, попросившись с семьей, проговорил: «Разобьем немецкую гадину, пуще прежнего заживем!» Антонина Тимофеевна с Варварой остались дома, а Иван пошел провожать отца с братом до пункта сбора.

– Иван, остаешься за старшего, береги мать и сестру, – сказал старший Рогов дрожащим голосом, – вид его был взволнован, – и добавил, – не смей рваться на войну! Если потребуется, она тебя сама найдет.

Ваня молча кивал, но в душе его царили грусть и злость. Он тоже ходил в военкомат, втайне от отца, но отказали – мал еще. Не дойдя до пункта сбора, старший Рогов остановился, обнял крепко сына и прошептал:

– Картошку начинайте копать, может, что-то выросло. Иди, Ваня, дальше мы сами.

Провожая взглядом отца и брата, Иван не сдержал эмоций, и на его щеке появилась слеза, а затем другая. Чтобы не разрыдаться, он вытер лицо ладонью, отмахнулся и ушел в сторону реки. На реке стоял большой дуб, которому было, наверно, лет двести. Иван любил там бывать, а когда ему становилось грустно, он ходил к своему дубу, словно к старшему советчику, и нежно называл его «великаном».

Этот вчера еще улыбчивый мальчишка вдруг осознал, что прежней жизни не будет. Он как будто повзрослел, мгновенно. Иван вдруг понял, что он теперь единственный мужчина в семье, уже не тот мальчишка, который вчера дергал за косички девчонок. Весть о войне перевернула его сознание и превратила вчерашнего юношу в настоящего мужчину. Но этот мужчина еще с юношеским мышлением не понимал тогда размах трагедии, которую предстоит пережить русскому народу.

Иван был глубоко верующим человеком – это у него от матушки, которая содержала в доме разные иконы и почитала все церковные праздники. Дед Ивана еще при царе содержался на службе в церкви, но в 1918 году церковь снесли большевики, а вера людей в бога никуда не делась. Его матушка была не просто поповой дочкой, но и устраивала в доме службы, где собирались верующие люди.

Сидя у дуба, Иван достал маленькую церковную книжку и стал читать молитвы. Это была небольшая книжка, размером с ладонь, Антонина Тимофеевна состряпала ее из резанных листов и сшила крепкими шелковыми нитками. В ней были написаны молитвы маминой рукой – на всякие случаи жизни. Некоторые молитвы Иван знал наизусть.

Он был невысокого роста, но стройный стойкий стан его и широкие плечи говорили о крепком телосложении. В его улыбке было что-то детское, совсем еще младенческое. Его кожа имела какую-то нежность, а темные вьющиеся волосы обрисовывали бледный и большой лоб.

Глаза были карие и имели свойство изменяться, когда он улыбался. Иногда взгляд был холодным, особенно в моменты глубокой грусти, как происходило тогда, у дуба – летом 1941 года.

Прошло два месяца с начала войны. Фронт стремительно приближался, становилось понятно, что немецкие захватчики скоро будут в Ивановом родном городе. Иван по-прежнему жил с матерью и сестрой, но эвакуироваться не получалось, да и некуда было.

До войны старший Рогов работал кузнецом. Иван всё свободное время проводил у отца на кузне и к своим шестнадцати годам тоже стал чудесным кузнецом. Его навыки пригодились во время войны. Красноармейцы и партизаны со всей округи съезжались, чтобы подковать лошадей. Партизаны заказывали саперные лопатки и разные детали. Кузнец – всем ремеслам отец, всем наукам мудрец, чтят кузнеца не из-за лица, а из-за подковы. Эти народные мудрости знали все.

Однажды на кузню наведалься командир партизанского отряда Илья Михайлович Трошин.

– Малек, это ты здесь мастер на все руки? – командным голосом спросил Трошин.

– Чего извольте, товарищ командир? – так же уверенно ответил Иван.

– Пяток кобыл нужно починить, а то забегались, родненькие. Говорят, лучшего кузнеца в округе не сыщешь, – сказал Трошин, протянув Ивану руку.

– А чего же не починить, раз надо для общего дела! – с улыбкой произнес Иван.

Так произошла судьбоносная встреча Ивана с Ильей Михайловичем. Трошин был довольно молод, но к своим тридцати годам уже завоевал уважение среди местного населения и партизан. До войны Илья Михайлович работал учителем в соседнем селе. В первый год войны многие учителя имели бронь, поэтому Трошин решил организовать партизанский отряд.

– Илья Трошин! Зовут Ильей Михайловичем, из партизан, – сжимая руку, представился командир.

– Иван Рогов, можно просто Ванька, из местных, живу с маманей и сестренкой, – ответил Иван.

– Мужиков на фронт забрали? – поинтересовался Трошин.

– Папаня да брат на фронте, а меня оставили за девушками присматривать, – улыбнулся Иван.

– Куришь? – спросил Трошин и достал пачку папирос.

– Вообще некурящий, но угощусь разок, если позволите.

Иван взял папиросу, прикурил и поперхнулся. Трошин похлопал Ивана по спине и сказал:

– Привыкай, боец, к махорке, сейчас без нее трудно.

После того как Иван подковал лошадей, они еще долго сидели, разговаривали. Трошин с большой симпатией отнесся к Ивану. Рогов узнал, что фронт совсем близко. Партизанскому отряду нужен был хороший кузнец, и на следующий день Трошин забрал Ивана с семьей в отряд.

Жизнь в партизанском отряде была организована как в воинской части, даже свой устав имелся. В шесть утра – подъем, затем смена караульных, построение и задания на целый день. Землянки копали до двух метров в глубину и оборудовали печками. Немногочисленные женщины занимались хозяйством, а мужчины – подрывной деятельностью в тылу. Иван выполнял работу кузнеца, а параллельно учился стрельбе и прочим военным хитростям.

Наступила золотая осень. Уже как несколько дней стояла солнечная погода, но ветерок был прохладным. С деревьев сыпалась листва, покрывая землю желтым одеялом. Небо было прозрачное, и только несколько тучек изображали какую-то фигуру, в которую пристально всматривался Иван, закинув ногу на ногу, лежа возле красной рябины.

Его мысли были не о войне. После школы он собирался уехать в Москву, отучиться на инженера. В столице он был один раз, когда ездил к своей тетке (маминой сестре), и с тех пор был влюблен в этот цветущий город. Еще он переживал за маму с сестренкой, которые теперь находились в партизанском лагере. Трошин обещал отправить всех женщин и детей в тыл. Иван смотрел в небо, но глаза медленно закрывались от хронической бессонницы. В полудреме услышал голос:

– Вань! Вань! – это бежал Матвейка. Иван обернулся и сказал:

– Что ты, дурак, кричишь, – немцы повсюду!

Матвейка был сыном лесника и с детства знал все тропы в лесу. В отряде он был кем-то вроде егеря или проводника для партизан. Охламон высшей степени – неопрятный, беспардонный. Рыжеволосый, чуть выше среднего роста, лет восемнадцати от роду.

– Командир зовет, – прошептал Матвейка.

Иван встал, отряхнулся, достал из кармана яблоко и вручил его Матвейке.

– Ну пошли, раз командир зовет, – сказал Иван, засунув обе руки в карманы, и направился в сторону лагеря.

Илья Михайлович ждал Ивана в своей небольшой землянке. Она напоминала маленькую конуру, со столом из сбитых досок и лежанкой с хвойными ветками. На столе стояла большая свеча, которая освещала карту.

– Тук-тук, разрешите, товарищ командир?

– Заходи, Ваня, присаживайся, – произнес Трошин, не поднимая глаз с карты.

Слева от Трошина стояла небольшая печка, на которой находился маленький чайник. Илья Михайлович молча достал две железные кружки и два кусочка сахара.

– Чай будем пить! – только сейчас Трошин обратил взгляд на Ивана.

Он взял горячий чайник и наполнил обе кружки.

– Ты пей, Ваня, пей, – сказал Трошин, а сам опять опустил свой взор на карту.

Иван пил чай, облизывая кусочек сахара, чтобы продлить удовольствие от сладкого. Так продолжалось несколько минут, кроме чавканья Ивана стояла гробовая тишина.

– Ну что, Иван, хотел повоевать с немцами? – произнес Трошин, оторвавшись от карты.

– Так точно! – громко ответил Иван и вытянулся во весь рост.

– Да садись ты уже, не у генерала на приеме, – сказал Трошин. – Сегодня в два часа ночи выдвигаемся в город, место назначения – железнодорожная станция. Наша задача – проникнуть в здание вокзала и похитить документацию с немецкими картами. Идем в группе из трех человек: я, ты и Матвейка.

Около минуты стояла тишина, затем Трошин поморщился и сказал:

– Не доверяю я Матвейке. Чует мое сердце, какой-то он подозрительный. Последний раз пошел в город к связующему, вернулся без информации, а лицо светилось.

– Товарищ командир, может, не брать Матвейку? – уточнил Иван.

– Никак без этого рыжего черта, он дорогу короткую знает, – покивал Трошин. – Ничего подозрительного за ним не замечал?

– Шибутной он больно, товарищ командир, а в остальном – вроде как всё нормально, – ответил Иван.

– Ладно, вся инструкция – перед выходом на задание. Ты поспи, Иван, – сказал Трошин.

– Есть поспать! – Иван встал и собрался на выход, но Трошин внезапно произнес:

– погоди, Ваня. Ты бы простился с матерью и сестренкой, кто знает, когда свидитесь. Я дал приказ сегодня вывезти всех женщин и детей в тыл. Другого момента, боюсь, не будет – обложили нас фрицы, Ваня.

– Спасибо, товарищ командир, – тихо произнес Иван, натянул кепку и пошел к выходу.

Дед Семен запрягал лошадей. В отряде он был вроде старшины и отвечал за отправку людей в тыл. Людей набралось три повозки. Иван подошел и спросил:

– Дед Семен, довезешь их?

– А куда я денусь, доедем. Завтра будем в Людиново, а там решат, куда твоих, – с улыбкой сказал дед Семен, похлопывая по плечу Ивана.

Людиново – небольшой городок, который пока находился в тылу. Иван подошел к матери с сестрой и молча посмотрел в глаза Антонине Тимофеевне.

– Прости, мама, я должен остаться, – сказал Иван.

– Береги себя, сынок, – еле проговорила мать, голос ее дрожал, глаза наполнились слезами.

Иван присел на корточки, обнял сестру, затем поднял на руки и усадил в повозку. Дед Семен дернул за вожжи и крикнул:

– Антонина, догоняй!

Ваня подошел к маме, обнял и сказал:

– Мама, я вернусь!

Наступил вечер, Иван сидел у костра и обугленной веткой перебирал угольки. Его жизнь разделилась на две части, одна осталась в прошлом, в котором была большая семья, а другая часть – война. За пару месяцев, что он находился в отряде, друзей так и не появилось, кроме Трошина, который ему стал близок. Иван смотрел на огонь, а мысли были о скором задании.

«Это мое первое задание, а вдруг не получится, а если с немцем придется встретиться? Одно дело – по бутылкам стрелять, а то человек. Да какой он человек? Фашист, выстрелю, если потребуется. Гады засели в нашем городе, наверно, в нашей хате какой-нибудь штаб устроили. Как же батя с братом! Уж четыре месяца прошло, ни одной весточки».

Все эти мысли крутились у Ивана в голове, и только утешало то, что рядом будет Трошин, который для него служил примером храбрости.

– Не спится, Ваня? – сзади стоял Трошин. Илья Михайлович был высокого роста, с русыми волосами и ярко-голубыми глазами. С плеч его свисал белый тулуп, а в руках он держал черно-белую фотографию.

– Заснешь здесь, – ответил Иван.

– А ну двигайся, посижу с тобой, – подвинув Ивана к середине бревна, Трошин протянул фотографию.

На фотографии был сам Трошин, женщина и молодой человек.

– Мои, Вань! Мама и братишка Костик. Так вот, Вань, нет их уже. Расстреляли их фашисты под Брестом, всю деревню, суки, сожгли, – на эмоциях сказал Трошин, сжимая от злости кулаки.

– Нет у меня больше никого, один я остался. Отчим еще до войны умер, дед в Первую мировую погиб, бабушка тоже не дожила. Где-то есть дядька, брат мамкин, но я его никогда не видел. Поэтому, Ваня, пока я жив, буду давить эту гадину, – продолжая сжимать кулаки, выговорился Трошин.

Иван смотрел на фотографию, а сказать нечего было. Он отдал ее Трошину и нашелся:

– Вместе, Илья Михайлович, гадину бить будем.

Трошин взял фотографию и засунул в карман гимнастерки.

– Я, когда тебя увидел, ты мне братишку напомнил, вы же одного возраста. Он тоже такого же роста и темненький, как ты. Не похож на меня был. Сегодня моему Костику исполнилось бы семнадцать. Всегда говорил – вырасту, стану ветеринаром. Бывало, сядет в сарае с гусями, курами и разговаривает с ними, а они как будто слушают его. Больше всех любил лошадей, мог часами вокруг них крутиться... что-то я разговорился, – сказал Трошин, достал папиросу и прикурил.

– Мы с братом тоже совсем разные, – сказал Иван. – Я больше бате помогал, люблю с железками копать, построить чего-нибудь, а Санька по дому. Есть у него, Илья Михайлович, одна страсть – любит рисовать. Уйдет за реку на полдня, сидит и паялится на деревья и рисует что-то себе.

Трошин засмеялся:

– Пишет, Ваня! Картины пишут, а не рисуют. Выгоним немца, возьму тебя с собой в Ленинград, приучать к искусству буду. Был в Ленинграде?

– Да какой там! Один раз в Москве бывал с матушкой, и всё. В Ленинграде красиво? – спросил Иван.

– Не то слово, Ваня. Очень красиво, но прохладно. Обложили немцы Ленинград, в кольцо взяли, – с горестью сказал Трошин.

– Так и до Москвы доберутся, – вздохнул Иван.

– Ты прекрати мне это, погоним немца, товарищ Сталин сказал, – Трошин встал, отошел от костра и негромко произнес сам себе:

– «Сталин сказал»! Бойцов и техники не хватает, а они там, в Кремле, только и делают заявления.

– Что, товарищ командир, – не расслышал? – крикнул Иван.

– Ничего, Иван, мысли вслух, через час у меня, да рыжего найди, – бросив папиросу, Трошин удалился к себе в землянку.

Минут пятнадцать Иван ходил по лагерю, искал Матвейку. Проходя мимо бойцов, которые занимались чисткой винтовок, спросил:

– Мужики, Матвейку не видели?

– Да черт его знает, где его носит, – ответил боец. Другой смекнул:

– Вань, посмотри в конюшне, он часто там ошивается, может, в сено зарылся да сон сладкий видит, как его Любка к себе прижимает.

Раздался громкий смех. Любка – повариха, которая не захотела эвакуироваться, осталась в лагере с бойцами. Девушка была пышных форм, а Матвейка крутился возле нее. Та тоже неровно дышала к рыжему парню, может быть, по этой причине и осталась.

Иван зашел в конюшню, прошел мимо лошадок, остановился возле крайней и стал ее гладить по морде. Недалеко, в копне сена, появилась рыжая голова.

– Ах ты сукин сын, я тебя ищу, а ты здесь прохлаждаешься, – крикнул Иван. – Один хоть, али с Любкой?

– Один, – вылезая из сена, пробормотал Матвейка.

– Пошли, нас командир ждет, или все мозги проспал? – Иван впервые показал Матвейке свой характер.

– Есть, товарищ Рогов, – съязвил Матвейка.

Подходя к командирской землянке, Иван с Матвейкой встали как вкопанные. Перед входом находился красноармеец с винтовкой.

– Ну, что встали, бойцы? Вас ждут, – улыбнувшись, сказал красноармеец.

Иван с Матвейкой оглянулись друг на друга, начали медленно пробираться в землянку. Первый шел Иван, а Матвейка, схватившись за ватник Ивана, плелся сзади.

– Да чего ты меня хватаешь, как бабу? – одернул Иван Матвейку.

В землянке за своим столом сидел Трошин, справа от него – офицер Красной армии.

– Разрешите, товарищ командир! – произнес Иван.

– Заходите, бойцы, знакомьтесь – майор Терпищев, командует нашей операцией, – представил Трошин.

– Справятся? – спросил у Трошина майор.

– Не сомневаюсь!

Началось обсуждение операции. Для Ивана это был настоящий вызов. Он внимательно слушал майора и вникал в каждое его слово. Группа должна была пробраться в город самым коротким путем и проникнуть в здание вокзала. В одной из комнат находилась секретная документация, карты, которые нужно было похитить. Единственный путь лежал через подземные коммуникации, которые хорошо знал Матвейка. Он не только знал леса, но и прекрасно ориентировался в родном городке.

– Я уверен, товарищ Трошин, не подведете. Надежда только на вас, – нам нужны эти карты, – сказал майор, пожал всем руки и попрощался.

– Задание понятно? – спросил Трошин.

– Так точно! – ответили бойцы.

Наступила глубокая ночь, Трошин, Иван и Матвейка сидели в землянке и готовились к трудному рейду, в логово немцев. Иван держал в руках ППШ. За два месяца в отряде он научился владеть всеми доступными видами оружия. Трошин был вооружен пистолетом ТТ. Матвейка не имел оружия, он вообще не умел пользоваться ни одним огнестрельным оружием.

Трошин посмотрел на Матвейку и сказал:

– Ну что мне с тобой делать? – Достал нож и сунул Матвейке со словами: – Хоть что-то!

Матвейка был бесполезным бойцом в отряде, но главное преимущество – он знал всю местность. Илья Михайлович достал карманные часы на длинной цепочке, посмотрел на время и сказал:

– Пора, ребята!

Иван заметил, что на крышке часов красовался двуглавый орел, и пришел в некоторое замешательство. Это же царский герб, который запрещался в советском государстве, более того, – за это можно было получить политическую статью и загреметь в лагерь. Но сейчас было не время спрашивать Трошина об этом.

Через пару часов группа, проделав путь, была на месте. Трошин приказал разместиться на небольшом холме, с которого здание железнодорожного вокзала было как на ладони. В ста метрах внизу находился тот самый вход в подземельный бункер, который вел в здание вокзала. По всему периметру ходили немцы, вооруженные автоматами. Трошин посмотрел в бинокль и указал рукой на здание, сказав:

– Крайнее окно справа – нам туда, братцы.

Илья Михайлович достал подробную карту вокзала, спросил у Матвейки – где именно выход из бункера в здание. Матвейка ткнул пальцем в карту.

– Я и Матвейка спускаемся в бункер, Иван, остаешься на улице прикрывать. По разведанным, которые нам предоставил майор, в здании не более трех немцев, – и те, наверно, спят. На улице еще трое. Наша задача – всё сделать без единого выстрела. Если не получится тихо, я беру всех, кто в здании, ты, Иван, – караульных. Задача ясна? – уточнил Трошин.

– Так точно!

– С богом, ребята, – перекрестившись, сказал Трошин.

Короткими перебежками группа добралась до бункера. На улице было темно, но светить было небезопасно, в нескольких метрах ходили немцы, вглядываясь и вслушиваясь во всё, что подозрительно. Бункер представлял из себя небольшую насыпь с дверцей. Трошин достал из сапога железный прут, чтобы срубить замок, но замка не оказалось.

Илья Михайлович посмотрел на Матвейку и всё понял. Со всех сторон зажглись лампы света, осветив всё вокруг. По периметру стояли вооруженные немцы, один из них кричал «сдавайтесь!» Трошин попытался выдернуть пистолет, но не успел, получил пулю от немецкого офицера. Иван видел, как на землю падает его командир. Ваня попытался поднять автомат и выстрелить, но в грудь уперлись несколько немецких автоматов.

«Всё закончилось!» – подумал Иван и упал на землю. Немцы накинулись на него и стали бить ногами. Через некоторое время Иван перестал чувствовать боль и только увидел улыбку Матвейки. Этот день для Ивана закончится, в себя он придет только утром. Немецкий офицер подошел к Матвейке, похлопал по плечу и сказал:

– Вы сделали правильный выбор, и Третий рейх этого не забудет.

Иван с трудом открыл глаза.

«Где я? – подумал он, пытаясь поднять голову, лежа на спине. Где-то вдали виднелась тусклая лампочка, в глазах двоилось, тело болело, в горле всё пересохло, жутко хотелось пить. – Черт, я не чувствую губ, – подумал Иван и прикоснулся ладонью к лицу. По ощущению лицо напоминало надутый шар. – Я всё еще жив!» – промелькнула мысль. Он приподнялся, упираясь руками в пол, нащупал сырую стену и облокотился на нее. Прижимаясь обнаженной спиной к мокрой стене, Иван попытался встать, но сил не хватало, – плюхнулся копчиком на пол. Из одежды были одни кальсоны, почему-то очень болели ноги.

Он осмотрел небольшое помещение в надежде найти что-нибудь попить, но кроме серых и мокрых стен с обшарпанными деревянными полами ничего не было.

– Где-то в углу, по всей видимости, скребутся крысы или мыши, – подумал Иван.

Иван попытался воссоздать в памяти сегодняшнюю ночь. Или вчерашнюю – «Сколько я уже здесь? День, два, а может, три! Что со мной будет дальше? Лучше бы сразу расстреляли, чем так мучиться».

Расстреляли! У Ивана прокрутилась в голове картинка с гибелью его друга – Трошина. «Ох, не зря Илья Михайлович не доверял Матвейке, каким же подлым человеком оказался!» – подумал Иван.

Где-то там, за дверью, слышался топот и немецкий разговор. Это еще больше наводило страха на Ивана. «Будут бить? Или расстреляют? Тогда почему сразу не расстреляли? Лучше б в бою погибнуть, чем вот так, как собаку, к стенке поставят!» – все эти мысли не давали покоя Ивану.

Спустя некоторое время открылась дверь. В небольшом проеме появилась немецкая голова. Немец смотрел на Ивана, а затем стал улыбаться, что-то сказав по-немецки. Дверь открылась шире, немец зашел и поставил в угол ведро, захлопнув дверь.

Вода! Иван на четвереньках пополз к ведру, схватил его в надежде утолить жажду. «Пустое? Суки поганые!» – со всех сил крикнул Иван. Спустя несколько секунд открылась дверь, немец смеялся и пинал ведро ногами:

– Пить хочешь, русский? – сказав, закрыл дверь.

Прошло несколько часов, Иван лежал на полу. Он уже не боялся немецкого топота, начиная осознавать, что страх куда-то уходит. Открылась дверь, Иван поднял голову и увидел немецкого офицера. «Главный, наверно, – форма парадная, да фуражка не как у того!» – смекнул Иван. Немецкий офицер зашел в комнату, а следом зашел солдат, с табуреткой. Солдат поставил стул на середину комнаты, на стул уселся офицер.

Офицер поднял руку вверх и щелкнул пальцем, – солдат убежал, а через минуту вернулся с ведром воды, которую Иван ждал целую вечность. Пока солдат бегал за водой, офицер смотрел в глаза Ивану, не проронив ни слова. Ведро оказалось у ног, Иван с головой опустил в него, пытаясь напиться. Это была самая вкусная вода, которую когда-либо пил Иван.

– Вкусно? – спросил по-немецки офицер (солдат переводил). Иван посмотрел на немца, но ничего не ответил.

– Мы знаем, кто вы и как вас зовут, Иван. Сегодня вы должны быть расстреляны за сопротивление войскам великой Германии. Хотите узнать, почему вы до сих пор живы? – спросил немец.

«Откуда он узнал мое имя? Матвейка, предатель!» – подумал Иван.

– Товарищ немец, не найдется у вас папироски, перед смертью покурить? – чувство юмора у Ивана было на высшем уровне.

– Что он сказал? – обратился офицер к переводчику.

– Господин штурмбаннфюрер, этот полоумный просит закурить, – ответил солдат.

Офицер засмеялся, достал из кармана серебряный портсигар, вынул сигарету, протянув ее Ивану, вставил прямо в губы.

– Конечно! – сказал офицер, дав прикурить своей зажигалкой. Иван сделал затяжку и сказал:

– Вроде, находим общий язык, может, без расстрела обойдемся?

– Просит не расстреливать, – объяснил переводчик.

– У вас хорошее чувство юмора, господин Рогов. Надеюсь, там, куда вы поедете, оно вам пригодится! (Последней фразы солдат не стал переводить).

Офицер встал, обратил взор на немецкого солдата и сказал:

– Дайте ему поесть и оденьте, нам он больше не нужен.

Иван остался со своими мыслями наедине.

«Что это было? Меня расстреляют?» Через боль встал на ноги, подошел к двери, стал стучать и кричать.

– Ведите меня на расстрел, не издевайтесь, я хочу умереть!

Открылась дверь, солдат поставил на пол алюминиевую тарелку с кашей и пнул ногой. Иван не хотел есть, он вообще не понимал, зачем кормить перед смертью. Для него это был ребус, который он стал разгадывать.

«Сколько времени прошло?» – думал Иван. Мысленно он смирился с тем, что его расстреляют, другого уже не ждал, но это ожидание томило. Наконец, открылась дверь, зашел немец и бросил на пол одежду.

– Одевайся, – приказным тоном сказал фашист.

Из вещей были только ватник и ботинки без шнурков, на три размера больше. «Наверно, не стоит спрашивать, где мои вещи!» – подумал Иван. Ваня надел кое-как ботинки на босую ногу и накинул ватник на голое тело. «Ладно, могли бы и в кальсонах оставить –какая разница, в чем умирать!» – опять подумал Рогов. За короткое время, что он находился в плену, он не просто научился четко формулировать мысли, но и стал произносить их вслух. Немец направил автомат на Ивана и сказал: «На выход!»

Иван вышел из комнаты, где томился, и узнал помещение. Это же городской клуб, а комната, где он находился, – склад для хранения музыкальных инструментов. Проходя по коридору, он заглянул в одну из комнат и узнал директора клуба, который сидел с немцами и мило беседовал. «Николай Иванович тоже продался!» – подумал Иван.

На улице было много людей, которые стояли в одной куче. Это были мирные жители, в основном – старики и женщины, были и дети. Некоторых Иван даже узнал. Городок-то небольшой, все друг друга знали. Вокруг стояли немцы с автоматами, некоторые из них держали на поводках немецких овчарок. «Неужели, всех наших расстреляют? И детей?» – подумал Иван.

Чуть далее, за толпой, стояло несколько грузовиков, в которые грузили мужиков. Люди стояли в очереди к машине, а возле борта – два немца, которые подгоняли, а порой и закидывали пленных в кузов. Тот немец, который выводил Ивана, толкнул его в очередь. «Ну всё, повезут на карьер, а там расстреляют!» – подумал Иван.

Очередь двигалась медленно, некоторые падали, не доходя. Один из пленников выбежал, упал на колени и стал молить не убивать. Подполз к одному из немцев и стал целовать ботинки с криками: «Пощадите, братцы!» Мужик, стоявший впереди Ивана, тихо сказал: «Какие они тебе братцы, сучий потрох?» Раздался выстрел – это стрелял тот самый офицер, который допрашивал Ивана. Бедолагу не пощадили, и поцелуи не помогли. Из очереди вытащили двух человек и заставили оттащить труп в сторону.

Иван толкнул локтем мужика и сказал:

– Потише, а то и вас пристрелят. Хотя какая разница, здесь или там?

– Невозможно спокойно смотреть на то, как вчерашние герои, которые провозглашали коммунизм, сегодня с легкостью сдаются немцам, – шепотом ответил впереди стоящий мужчина.

– Вы не знаете, далеко нас везут? – спросил Иван.

– Километров сорок где-то выйдет, – ответил мужчина.

– Как «сорок»? Поближе места для расстрела не нашли? – ухмыльнулся Иван.

– А вы что же, голубчик, думаете, нас стрелять будут? – сказал незнакомец. – Я думаю, что мы с вами, если не сдохнем от голода и болячек, то очень скоро окажемся в Германии, – добавил мужчина.

– Как «в Германии»? – шепотом спросил Иван.

– Да, дорогой мой друг, концлагерь это называется. Часть не доедет, умрет по дороге, другая умрет сразу после приезда, а кто выживет, будет пахать на Германию. Вы в какую категорию предпочитаете попасть?

Иван задумался. В какую категорию? Умирать страшно! Хотя только недавно, в комнате, он желал смерти. А здесь, на свежем воздухе, жить хочется...

– Почему вы сказали «сорок километров»? – спросил Иван.

– Там перевалочный пункт, для отправки в лагерь. Кто здоровый, останется жить, остальных расстреляют или сожгут в печах.

– Сожгут? – возмущенно спросил Иван.

– Да, юноша. Так проще, закапывать не надо.

– Откуда вы всё знаете? – поинтересовался Иван.

– Поживите с мое! – улыбнулся незнакомец.

Непонятно, радоваться или нет. Иван не представлял, что будет в немецких лагерях, но весть о том, что он, возможно, останется жив, взбудоражила его. На улице было холодно, конец октября. Ватник, который был надет на голое тело, совершенно не грел. Иван сжимал руки под мышками, медленно двигался к грузовику. Теперь у него появился собеседник, но почему он упрекнул коммунизм? «Может, из царских кровей?» – подумал Иван.

Стоявшие возле грузовика немцы вдруг ушли, им на смену пришли два человека, в черной одежде с белыми повязками на руках. Это были местные полицейские. В одном из них Иван узнал предателя Матвейку. Очередь стала двигаться быстрее, полицейские, в отличие от немцев, более энергично закидывали людей в кузов грузовика. «Выслуживаются перед немцами», – опять подумал Иван.

– Как тебе послужится, Матвейка? – спросил Иван, плюнув ему в ноги.

– Не Матвейка, а Матвей Петрович, давай полезай, – ответил предатель.

– А-а-а-а, вон какой стал, – ответил Иван, с трудом запрыгнув в кузов.

– Ваш знакомый? – спросил незнакомец.

– Да, были знакомы! – с большой грустью сказал Рогов.

В грузовик забилось человек пятьдесят, а может, больше. Иван уселся в углу, а рядом – мужчина, с которым начался интересный диалог. Ивану этот диалог был необходим – он стал чем-то вроде поддержки. Борт кузова закрылся.

– Ну всё, поехали! – вздохнул Иван.

– Будем знакомы, юноша! Называйте меня Михаил Иванович.

– Иван, – ответил Рогов.

Дорога была длинная и мучительная. Михаил Иванович рассказывал какие-то истории, – как будто они едут в колхоз картошку копать, а не в немецкий лагерь. Вообще, Михаил Иванович был немного странным человеком – и принимал всю эту ситуацию как должную. Было ощущение, что ему не привыкать ездить по лагерям.

На вид ему было лет пятьдесят. С седоватыми волосами, достаточно хорошо одет. Иван обратил внимание на необыкновенную обувь Михаила Ивановича – кожаные темно-коричневые полусапожки с острыми носами и интересным рисунком. «Такой обуви в нашем колхозе я не встречал!» – подумал Иван, но постеснялся спросить их происхождения.

На улице стемнело, многие заснули, несмотря на холодную погоду. Кашель стоял такой, что иногда заглушал звук двигателя автомобиля. «Да, действительно, многие не доедут, Михаил Иванович прав!» – подумал Иван. Машина остановилась, где-то там слышался лай собак, как будто их целая стая. Открылся борт кузова, и немец крикнул: «Am Ausgang – на выход!»

Все стали прыгать на землю и строиться в две шеренги. Иван держался своего нового знакомого. Из кузова вышли не все, человек пять умерли по дороге, там и остались лежать. Немец запрыгнул в кузов, пошевелил всех, в каждого выстрелил из «Шмайссера».

Перед входом в лагерь висела вывеска Dulag 142. Это был настоящий концлагерь. С осени 1941 года он служил как перевалочный пункт для пленных, находился вблизи города Брянска.

Перед пленными вышел немецкий офицер, держа в руках папку, рядом с ним стоял солдат и светил керосиновой лампой. По всему периметру стояли немцы с собаками, сквозь проход в лагерь виднелись бараки. Пленные стояли долго, но немец с папкой чего-то ждал. Из ворот появился важный офицер, закутанный в черный плащ, сапоги блестели, в руках была длинная трость. Он подошел и кивнул. Тот, что с папкой, начал зачитывать фамилии по-русски, все в строю кричали «я».

После того как всех пересчитали, «главный немец» начал произносить речь.

«Русские, вы находитесь в плену. Германия гарантирует вам жизнь, если вы не будете нарушать распорядок дня. Попытка к бегству – расстрел на месте, непослушания – расстрел на месте. Часть из вас, самые сильные и выносливые, отправится в Германию, служить Третьему рейху».

Всю эту огромную толпу людей повели на территорию лагеря и остановили перед входом в какое-то помещение, начали заводить по три человека. Это была баня – или что-то вроде того. Пленные снимали одежду, заходили в душ, где двое крупных немцев обливали холодной водой из шлангов, затем выдавали новую одежду и выгоняли на улицу ждать других. Одежда состояла из черной робы и ватника, прилагались ботинки и шапка. После водных процедур всех загнали в барак. Длинное помещение с двухъярусными шконками, сбитыми из дерева.

Иван занял верхнюю шконку, а Михаил Иванович определился внизу. Когда все разместились, прозвучала команда «отбой». Была уже поздняя ночь, Иван впервые за это время захотел есть, даже пожалел, что не стал тогда есть кашу.

Иван не мог заснуть, склонил голову вниз, спросил у Михаила Ивановича:

– Как вам новая обувь, не жмет?

– А вы любопытный, Иван!

– Жалко, наверно, расставаться? Вы бы перед пленом чего-нибудь другое надели, – съязвил Иван.

– И с чувством юмора у вас всё хорошо, – ответил Михаил Иванович.

– А вы не из наших краев? Я вас раньше не встречал в городе, – поинтересовался Иван.

– В гостях был, да вот война пришла. Иван, давайте спать, – ответил Михаил Иванович.

«Всё-таки странный этот Михаил Иванович. Похож на интеллигента, общается культурно, меня на «вы» называет. Может, шпион какой? Нет, зачем шпиону на верную смерть идти? Фамилия у него какая-то странная – Бирд...» (Когда опрос был, Иван услышал).

Ивана тревожила мысль о личности Михаила Ивановича. С этой мыслью он и заснул.

Прозвучала команда «подъем». Между шконками шел немец и автоматом молотил тех, кто не встает. Некоторые так и не встали – умерли ночью. На входе стоял еще один немец и

выгонял всех на улицу. Некоторые от страха не успевали надеть – кто шапки, кто обувь. Опять построение и проверка, так начался новый день.

После проверки загнали всех в барак и привезли большую бочку с едой. Каждому полагалось по посудине овощного супа и кусок хлеба. В углу барака стояла бочка с водой. Есть было невозможно – суп напоминал отходы. После противного завтрака всех заперли в бараке – и опять началось ожидание.

После долгого томления в барак зашел немец в сопровождении высокого мужчины в белом халате. Согнал всех пленных в одну половину, а вторая осталась пустая, начал отсчитывать по десять человек и выводить.

– Михаил Иванович, вы всё знаете! Что это было? – спросил Иван.

– Сортировка началась. Сейчас мы с вами узнаем, будем жить или нет, – сказал Михаил Иванович. – Не переживайте, вы, скорее всего, будете, – добавил он.

– Почему вы так уверены?

– Сколько вам лет?

– Через месяц 17 будет, а что? – спросил Иван.

– Во-первых, молодой и здоровый, болячки ваши заживут. Во-вторых, вас же сразу не расстреляли, а вы из партизан... – сказал Михаил Иванович.

– Откуда вы знаете? Я этого не говорил!

– У вас на лице написано, – улыбнулся Михаил Иванович.

«Что происходит? Кто он такой? Может, во сне я кричал что-то про партизан? Ведь я ему не говорил, кто я. Всё-таки странный этот Михаил Иванович». Иван опять начал думать о загадочной личности своего соседа. Через некоторое время из десятка бедолаг вернулись шестеро, которые были помещены в пустую половину барака.

– Четверо пригодных! – заключил Михаил Иванович и добавил: – Если мы с вами сюда не вернемся, то проживем еще.

Так и случилось. В очередную десятку отобранных пленных попали Иван и Михаил Иванович. Их вывели на улицу, а затем провели в отдельное здание. Мужчина в белом халате оказался доктором, который проводил обследование пленных. Сложно было это назвать обследованием, но часть людей совсем не стояла на ногах, у многих был жар, кто-то практически выплевывал легкие от кашля, а у кого-то были переломаны конечности, – таких сразу отводили в сторону, даже не осмотрев. Остальных доктор-костолом щупал, простукивал молотком, даже некоторых слушал.

Относительно здоровых людей, которых было немного, отводили в сторону и отправляли в другой барак. Иван обследование прошел первым и попал в число здоровых. В конце шел Михаил Иванович. Иван уже стал переживать. Ему не хотелось потерять хорошего собеседника, тем более – оставалась тайна, кто такой этот загадочный мужчина по фамилии Бирд.

Внешне Михаил Иванович был абсолютно здоровым человеком, да и вообще складывалось впечатление, что он не очень страдал от плена. Иван всё-таки дождался своего нового друга – и в одной компании они отправились в другой барак. Он ничем не отличался от прежнего, если только более здоровой атмосферой среди людей.

Иван лежал на шконке, а Михаил Иванович сидел рядом, опять рассказывал какие-то истории, которые Ивану были непонятны. В бараке набралось человек сто. Прозвучала команда «на выход», и вся толпа вышла на улицу. Перед ними стоял тот же офицер с тростью. Складывалось впечатление, что этот господин выполняет функцию оратора – и не более того. Всех выстроили, как скотов, офицер произнес свою пылкую речь.

«Вам выпала большая честь работать на великую Германию. Третий рейх нуждается в рабочей силе, вы будете трудиться на самых продвинутых заводах Германии. Сегодня вы отправляетесь в самую лучшую страну мира».

– ...Которую мы перебьем! – прошептал Михаил Иванович.

– Что вы сказали? – со злостью крикнул офицер.

«Всё, конец! – подумал Иван. – Нужно что-то делать, иначе Михаила Ивановича расстреляют, а я не узнаю тайну его происхождения».

– Господин офицер! Он сказал, очень признателен великой Германии, что ему сохранили жизнь, – и будет работать за двоих, – вступился Иван.

Офицер подошел к Михаилу Ивановичу, ткнул своей тростью в грудь и сказал:

– Хороший у вас друг.

«Фу, пронесло», – подумал Иван. Всех повели грузиться в машины.

– Зачем вы это сделали? – спросил Михаил Иванович.

– Затем, что мне интересно, где вы такие ботинки оттяпали, не отечественного производства, – ответил Иван.

Михаил Иванович улыбнулся и даже приобнял Ивана за плечо. Всю толпу людей погрузили по машинам под усиленной охраной немцев, поехали в долгий путь. Всего было три машины пленников, по два мотоцикла с немцами, спереди и сзади. Поездка заняла порядка трех часов.

«Как же меняются люди, когда попадают в плен, – думал Иван. – Становятся зависимыми и готовы на любое поклонение, лишь бы не умирать. Вспомнить только того бедолагу, который стал ноги немцу целовать. Не постеснялся же опозориться перед собственными земляками, которые стояли в толпе. Может, он вовсе не местный, да какая разница? Позор-то какой. А Матвейка – он думает, что жить при немце хорошо будет. Где-нибудь оступится, они его первым и пристрелят. То ли дело Михаил Иванович, характер у человека чувствуется, и Трошин настоящим мужиком был.

Интересно, куда нас везут? Нарваться бы на наших партизан, может, удалось бы сбежать, я думаю, Михаил Иванович меня поддержал бы. Надо спросить у него».

– Михаил Иванович, как вы думаете, сбежать получится? – тихо сказал Иван.

– Тише, Иван. Ты думаешь, что здесь все этого хотят? Некоторые думают, что они в рай едут, хотя на самом деле там ад. Сдадут при первой остановке. Никому не доверяй, – прошептал на ухо Михаил Иванович.

Три или четыре часа дороги всех утомили. Остановки были, но только для немцев, которые справляли нужду в русском лесу. Пленных не выводили, многие справлялись прямо в штаны, поэтому по приезде стояла жуткая вонь. Машины остановились возле блокпоста, всех выгнали, только тогда разрешили сходить по-маленькому, после чего всех построили и пешком погнали к железнодорожной станции.

На станции было огромное количество пленных, которых грузили, как скот, в вагоны. Среди пленных были и женщины, но в основном – мужчины. Было много русских солдат, потрепанные, голодные. Ивана эта картина ужаснула, он спросил у Михаила Ивановича:

– Сколько же здесь людей?

– Не знаю. По всей видимости, не менее тысячи, – ответил Михаил Иванович.

Погрузка в вагоны была под завязку: чтобы не было давки, многие стояли. Наряду с полноценными вагонами были полувагоны, которые представляли из себя вагоны без крыши с высокими бортами. Так продолжился путь в ад.

«Путь был долгим и составил неделю, а может, больше – долго стояли на Западной Украине, в Польше. Бывало, проснешься, а рядом с тобой труп, так и едешь до ближайшей станции, а это полдня. На станции немцы запрыгнут в вагон, каждому пинка дадут, да заставляют трупы выносить на платформу. Из нашего вагона не доехало человек десять, а может, и больше, трудно было посчитать. Со временем привыкаешь, что кто-то должен умереть», – вспоминал потом Иван.

Ехали не только русские, было много евреев, до Германии они не доехали. Кто остался жив, высадили в Польшу, и наоборот – польских пленников загружали в вагоны. Михаил Иванович сказал, что для евреев существуют специальные концлагеря смерти на территории Польши. С едой было плохо, кормили один раз в день, а может, и больше времени проходило – ориентировались только по световым ощущениям.

Остановки были даже за счастье, – приходила мысль, что нужно будет выносить трупы. Это была единственная возможность вступить на землю и чуть-чуть размяться. В мирное время это показалось бы ужасным, но таковы были реалии данного времени. Нет, конечно, никто и никому не желал смерти, но это стало восприниматься обыденным явлением, как должное.

Ивану запомнилась одна картина, где-то на Западной Украине, на одной из станций. Вышли из вагона, выносить очередного бедолагу, который не доехал. Из немцев было всего пара человек, остальные – полицаи. Они говорили кто по-русски, кто по-украински. Вели себя хуже немцев, а где-то там, вдали, возле здания вокзала, была вполне мирная жизнь. Женщины сидели и продавали какие-то пирожки, семечки – и даже цветы были. «В это нельзя поверить, как такое возможно?» – думал Иван.

В силу своей молодости Иван не мог понять, что ради вот такой мирной жизни люди предали свои интересы, пойдя на сделку с гитлеровскими войсками. Для Михаила Ивановича такая картина не стала неожиданностью, он только сказал – это итоги 1917 года. «Что же ему плохого сделала Советская власть?» – подумал Иван.

Очередная станция, раздался стук и послышался скрип дверного проема. Всем приказали выходить на улицу. Возле состава было множество немцев.

– Добро пожаловать в Германию, – тихо сказал Михаил Иванович.

Всех выстроили и начали пересчитывать. Иван впервые видел такое большое количество больных и угнетенных людей. Некоторые теряли сознание прямо на улице, может быть, от бессилия, а может, оттого, что впервые за долгое время оказались на свежем воздухе.

Наряду с военными немцами были гражданские. Ивану запомнилась одна примечательная парочка. Они ходили с важным немецким офицером вдоль этого огромного строя несчастных людей и всматривались в лица пленных. На мужчине был длинный серый плащ, на голове – черная шляпа. Под руку его держала очень красивая девушка лет двадцати пяти, которой, кажется, пленные были совсем неинтересны. Длинное темно-синее платье сочеталось с серым полушубком, на котором была большая брошь в виде цветка. Ее темные волосы были красиво уложены, их прикрывала элегантная темно-серая шляпка, которая прекрасно сочеталась с полушубком. Ярко накрашенные губы и большие глаза и вовсе поразили Ивана.

Это был какой-то богатый промышленник, он выбирал себе пленников, чтобы они работали в его владениях по хозяйству и выполняли разные поручения. В годы войны такая практика широко применялась в Германии не только по отношению к мужчинам, но и к пленным женщинам, которые выполняли работу по дому. Предпочтения отдавали полякам, украинцам, в меньшей степени – белорусам и русским. Для евреев был запрет на подобный род деятельности в Германии.

Из строя вывели трех пленников, офицер достал блокнот и сделал записи. Под охраной одного рядового немца парочка с новыми рабами стала уходить, прежде поблагодарив этого важного офицера. Проходя мимо, Иван позволил себе поднять глаза и посмотреть в этот красивый женский взгляд.

Началась сортировка пленных, кого-то опять загоняли в вагоны, видимо, для отправки дальше, но множество людей осталось, в их числе были Иван и Михаил Иванович. Под бдительной охраной немцев всю эту толпу повели в подземный переход. Он был довольно длинный, метров пятьсот, а может, больше. По выходу из тоннеля пленников ждали уже привычные грузовики. «Ничего не меняется!» – подумал Иван.

Всех погрузили по машинам, и опять началось долгое ожидание. Там, где-то недалеко, была вполне мирная, но немецкая жизнь. Ничто не напоминало о войне, работали магазины, прачечные, парикмахерские. Это был немецкий город Гамбург, вернее, его окраина. Там же, на реке Эльбе, и находился концлагерь под названием Нойенгамме, крупный трудовой концлагерь Германии, который существовал с 1938 года. Через несколько часов грузовики пересекли ворота лагеря, и начался ад.

Глава 2

В Нойенгамме всё было устроено так, чтобы впечатлить вновь прибывших. Это был город в городе, с многочисленными бараками, административными зданиями, больницей – и даже имелся сад, в котором росла плакучая ива. Стоял густой туман, атмосфера была жуткая, напоминала заброшенное кладбище с призраками, только вместо них – живые люди в полосатой одежде. Узники ходили, не поднимая глаз, а при встрече с офицерами СС останавливались, опуская голову.

В лагере содержались заключенные разных национальностей – русские, украинцы, поляки, французы, испанцы, евреи и даже немцы. Имен не было, вместо них присваивался номер, который был нашит на форму. Помимо номеров, узники помечались специальными треугольниками с буквами. Треугольник с буквами SU означал – советский военнопленный. Евреи помечались двумя треугольниками, лежащими друг на друге, образующими звезду Давида. Этим жутким городом руководил группенфюрер Рудольф Беккер.

Внешне Беккер был человеком спокойным, высокого роста, с невозмутимым взглядом. Он носил маленькие очки. Про него ходили легенды, что его миловидное спокойствие является маской, – на самом деле он был жестким и властным человеком. Поговаривали, что он лично участвовал в казнях и любил смотреть, как сжигают людей в крематории.

Вновь прибывших узников заставили раздеться догола. Погода была холодная, ведь на дворе стоял ноябрь 1941 года. Беккер лично участвовал в осмотре. Когда он проходил мимо строя, на его лице светилась ехидная улыбка. Затем он отобрал несколько человек, которых, полностью обнаженных, куда-то увели. Остальным выдали полосатую одежду, присвоили номера и заставили их пришить, после чего началось знакомство с баракком.

– Располагайтесь, коммунисты, – крикнул надзиратель и ушел.

Он говорил по-русски, а одет был в черную форму. Бараки не запирались, а перемещение по лагерю было относительно свободное.

– Давайте знакомиться, земляки, – где-то раздался голос. – Александр, сам из Рязани, все зовут Усик, по фамилии. В плену месяц, здесь вроде старшины, – добавил он.

– Расскажите, Александр, про местные правила, что можно, а что нет? – обратился к нему Михаил Иванович.

Усик был среднего роста, с большими выпуклыми глазами. Он прихрамывал на правую ногу. Так называемый «старшина» подошел к Михаилу Ивановичу и сказал:

– Ну, садитесь, мужики, расскажу. Через полчаса будет ужин, еду приносят сюда. У каждого – своя миска и кружка, которые нужно мыть, в обязательном порядке.

Его перебил один из заключенных. Ухмыльнувшись, он сказал:

– А если не помыть?

Это был Тимоха – Тимошенко Андрей, из уголовников, который сбежал из советского лагеря при бомбежке, долго прятался в лесу, а потом сам сдался немцам. Скользкий был тип, постоянно всё вынюхивал и расспрашивал.

– Расстреляют! – ответил Усик спокойно и продолжил: – Скоро, скорее всего, пойдете в местную парикмахерскую и фотографироваться, после чего сам Беккер будет вас опрашивать. У кого есть профессии – сразу говорите, может, повезет, при лагере останетесь работать. Остальные будут пахать на кирпичном заводе. Есть еще завод по производству «Вальтеров», но туда не всех берут.

– А вы кем работаете? – спросил Михаил Иванович.

– На складе кладовщиком, – ответил Усик.

– Едрить-колотить, за какие такие заслуги? – выкрикнул Тимоха.

– Да хватит вам уже язвить, дайте человеку сказать, – с упреком произнес Михаил Иванович.

– А ты, я смотрю, из благородных кровей, дядя, – сказал Тимоха и плюнул на пол.

Михаил Иванович молча встал и со всей мощи врезал Тимохе по физиономии. Тот рухнул между шконками с криками:

– Я это запомню!

– Продолжайте, Александр, – спокойно сказал Михаил Иванович.

Ивану такая картина понравилась, он впервые за долгое время улыбнулся – и на душе стало как-то легко. Именно тогда он стал понимать, что нужно переставать сопротивляться внутри себя и принять нынешнее положение, иначе не выживешь.

– А кто этот человек, который нас сюда привел? – спросил Михаил Иванович.

– Петька, надзиратель – хохол. Немцы выбирают из заключенных, но предпочтение отдают своим, которых здесь немного – и те уголовники и украинцы, – ответил Усик.

– Воевали? – спросил Михаил Иванович.

– Да, в тридцать шестой армии, под Смоленском был ранен, попал в плен – и вот, сюда, – ответил Усик.

Усик был порядочным и искренне верил, что Красная армия погонит фашиста. Многие заключенные, в отличие от него, уже не верили в это. В бою под Смоленском Усик был ранен в правую ногу, оттого и хромал. Раздался громкий стук, появился Петька-надзиратель, привез еду.

– Жрите, русские свиньи, – сказал он на своем украинском акценте.

Еду раскладывали сами заключенные, этим занимался в основном Усик. Он контролировал, чтобы никого не обделили. Заключенные выстраивались в очередь, и каждый со своей миской подходил на раздачу. Это можно было назвать едой, но порции были небольшими – немного картофеля и кусок мяса с хлебом.

– Съедобно! – прожевывая недоваренный кусок мяса, пробормотал Иван.

Стоял звон тарелок, это был первый полноценный ужин за последние недели, а для некоторых – и месяцы. «Кормят, – значит, пока не умрем», – подумал Иван. Еще не успели поесть, как в барак ворвался надзиратель и крикнул: «Становись!» В этот момент зашел Беккер с двумя офицерами, а за ними – два солдата. Все построились, а некоторые поспешно глотали еду, пытаясь доесть уже начатое. Начальник со своим невозмутимым взглядом прошел мимо строя, затем громко сказал:

– Говорящие на немецком есть?

Несколько секунд стояла тишина.

– Есть, господин начальник, – по-русски ответил Михаил Иванович.

– Фамилия? – обратился Беккер.

– Бирд, господин начальник, – на немецком заговорил Михаил Иванович.

Беккер подошел к Михаилу Ивановичу и всмотрелся в его лицо, шевеля пухлыми губами. Потом он произнес:

– Увести. Остальных – на завод.

Кабинет Беккера был похож на маленькую пыточную. В углу стояла шконка с цепями и кандалами. На столе красовался человеческий череп, который выполнял роль пепельницы, там же лежали аккуратно сложенные бумаги и папки. Бросилась в глаза фотография, которая располагалась на небольшой полке возле стола. Там был запечатлен Беккер с самим Гитлером. Было ощущение, что фотография обрезана и вставлена в рамку. Таким образом Беккер хотел подчеркнуть свое близкое знакомство с фюрером. Беккер уселся в свое кресло, держа в руке дело Михаила Ивановича, и сказал:

– Где вы научились говорить по-немецки?

– Матушка моя – немка, – ответил Михаил Иванович.

– Интересно! Фамилия ваша на английский лад?..

– Дед был английским поданным, затем женился на русской, с середины XIX века семья проживает в России, – сказал Михаил Иванович.

– А ваш отец уже женился на немке? Интересное у вас переплетение, господин Бирд, вы, случайно, не шпион? – спросил Беккер, засмеявшись.

– Нет, господин начальник. В Советской России отбывал наказание. Пятнадцать лет лагерей за антибольшевистскую деятельность, освобожден в 1939 году.

– Ну признайтесь, господин Бирд, вы ведь русский офицер? – Беккер встал из-за стола, подошел к Михаилу Ивановичу, предложив ему сигарету. На его лице была всё та же ехидная улыбка.

В углу стоял небольшой кожаный диван, куда уселся Беккер, закинув ногу на ногу, и произнес:

– Я вас слушаю! Вы курите, курите, господин Бирд. А если хотите, присаживайтесь рядом, здесь и пепельница имеется, – показал на череп.

– Нет, спасибо, я постою, – ответил Михаил Иванович.

– Давайте я угадаю! Вы белый офицер и воевали с большевиками в гражданскую, ведь так, господин Бирд? – вальяжно держа сигарету, спросил Беккер и продолжил: – Вы ненавидите коммунистов, провели пятнадцать лет в лагерях. Мы тоже сражаемся не против русского человека, а против большевиков. У нас общие цели.

– Да, только вы пришли на нашу землю, а не мы к вам, – по-русски ответил Михаил Иванович.

– О да, я приблизительно понимаю, что вы сейчас сказали. Кстати, у вас прекрасный немецкий. Вы будете работать при штабе, выполнять различные поручения, но наш разговор продолжится, обязательно продолжится, господин Бирд, а сейчас вы можете идти. Завтра вам дадут первые распоряжения, – сказал Беккер.

Михаил Иванович вышел из кабинета-пыточной Беккера, держа в руках не прикуренную сигарету, которую сжимал в кулаке, и под конвоем немца направился в барак, а сам думал: «Хитрый и лживый начальник лагеря, такой же у нас в Сибири был. Бывало, вызовет, а сам чая предлагает и расспрашивает аккуратно, что видел, что слышал». Бирд только зашел в барак, как Иван с порога заявил.

– На немецком общались, али с переводчиком?

– Не язвите, Иван, начнем с того, что я вам ничего не обязан, но всё же объяснюсь, чуть позже, – сказал Михаил Иванович, посмотрев на Тимоху, который ошивался рядом.

Перед сном всех постригли, довольно коротко, и сделали фотографию для личного дела. Прозвучала команда «отбой», но Ивану не терпелось выслушать очередную байку от Михаила Ивановича. Теперь их шконки были рядом, на нижнем ярусе. Погас свет, Иван приступил к допросам.

– Откуда вы знаете немецкий?

– Мать у меня немка, поэтому с детства разговариваю на двух языках, – тихо сказал Михаил Иванович.

– Ну а дальше? – возмутился Иван.

– Дальше давайте спать, Иван, – сказал Михаил Иванович.

Наступила тишина, слышался храп заключенных, в бараке было прохладно, одеяло совсем тоненькое, – как скатерть у матушки, которую она доставала и стелила на стол по праздникам. Хотелось спать, но мысли были сильнее сна. В голове крутилась недолгая жизнь – мамка, сестренка, братишка, батя. Самое страшное, что нет никакой ясности. Что будет дальше? Немец под Москвой – и новостей никаких с фронта. Мириться с такой рабской жизнью тоже нельзя. С этими мыслями Иван засыпал, как вдруг ощутил руку на своем плече.

«Тише!» – приложил палец к губам Михаил Иванович. Иван вскочил, в полудреме тихонько прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.